

Следственные действия как способы собирания и формирования доказательств

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: lazareva.va@ssau.ru,
v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Поступила в редакцию 10.02.2025

Пересмотрена 14.02.2025

Принята к публикации 20.02.2025

Аннотация: В статье рассматриваются конкурирующие в теории уголовного процесса концепции следственного действия как способа собирания доказательств и как способа формирования доказательств. Путем исследования механизма взаимодействия органа предварительного расследования со следами преступления автор обосновывает нетождественность понятий «собирание доказательств» и «формирование доказательств» с целью определения места каждого из них в системе уголовно-процессуальных действий. Показано, что дискуссия о природе следственного действия порождена сложным многосоставным и неоднозначным понятием доказательства, имеющим информационное (познаваемое) содержание и сохраняющую это содержание внешнюю форму, как независимую от действий следователя, дознавателя, так и создаваемую (формируемую) им в ходе производства следственных действий. По мнению автора, в основе двух рассматриваемых в статье научных концепций о гносеологической природе следственного действия лежит различие между готовыми (паратусными, по определению С.Б. Россинского) доказательствами и доказательствами, получающими процессуальную форму в процессе производства следственного действия. Учитывая отмеченную в статье нетождественность понятий «собирание доказательств» и «формирование доказательств», автор отвергает высказанное в науке предложение о замене первого термина вторым. Каждый из них обладает собственным содержанием, и ни один не является универсальной характеристикой следственного действия, в структуре каждого из которых есть как правила, регулирующие процесс собирания доказательств, так и правила, касающиеся формирования доказательств. Формулируя предложение о классификации доказательств на собираемые (получаемые) и формируемые исходя из степени влияния познавательной деятельности следователя, дознавателя на их содержание, автор обосновывает вывод о невозможности классифицировать сами следственные действия на способы собирания доказательств и способы их формирования.

Ключевые слова: следственные действия; процессуальные действия; доказательства; форма и содержание доказательства; способы собирания доказательств; формирование доказательств; информационный продукт.

Для цитирования: Лазарева В.А. Следственные действия как способы собирания и формирования доказательств // Jus strictum. 2025. № 1. С. 23–30. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-3.

ВВЕДЕНИЕ

Теорию следственного действия можно считать одной из наиболее активно разрабатываемых в науке уголовно-процессуального права. В сфере внимания исследователей как общие вопросы понятия и сущности системы следственных действий [1–3], так и характеристика особенностей производства каждого отдельного следственного действия [4–6]. Интерес к этому процессуальному институту обусловлен главным образом его взаимосвязью с собиранием доказательств, а следовательно, и с самими доказательствами как инструментами установления обстоятельств совершенного преступления, средствами доказывания виновности в его совершении конкретного лица [7–9]. Однако как невозможно понять природу доказательств в уголовном процессе без взаимосвязи со следственными действиями, так невозможно понять и значение всей сложности регламентации порядка производства следственных действий без учета ее влияния на содержание и форму доказательств.

Согласно ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), соби-

рание доказательств, как часть процесса доказывания, направленного на установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, осуществляется в ходе уголовного судопроизводства путем производства следственных и иных процессуальных действий, совершаемых дознавателем, следователем, прокурором и судом. Следовательно, способами собирания доказательств можно считать: а) следственные действия; б) некие иные процессуальные действия, не определенные законом. Таким образом, связь следственного действия с собиранием доказательств можно считать установленной. Однако понятие следственного действия, как и иных процессуальных действий, совершаемых органом расследования в целях собирания доказательств, УПК РФ не раскрывает, что сказывается на отсутствии единообразного понимания как следственного действия, так и собирания доказательств в теории уголовно-процессуального права. Впрочем, можно констатировать наличие и обратной связи – отсутствие ясного теоретического определения этих понятий отражается на полноте и четкости нормативно-правового регулирования.

Ситуация усугубляется тем, что в стремлении понять механизм появления в уголовном деле доказательств наука ввела в юридический лексикон быстро распространившееся понятие «формирование доказательств», чем обострила не менее дискуссионный вопрос о понятии самого доказательства. Эти обстоятельства сами по себе характеризуют актуальность предпринимаемого исследования.

Цель исследования – определение механизма взаимодействия таких категорий уголовно-процессуального права, как «собираение доказательств», «формирование доказательств» и «следственные действия», а также классификация следственных действий и доказательств по степени воздействия следователя на содержание последних.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использовался метод системно-структурного анализа таких правовых и доктринальных явлений, как «собираение доказательств», «формирование доказательств», «следственное действие», «доказательство», с целью подтверждения гипотезы о нетождественности понятий «собираение доказательств» и «формирование доказательств», дающей новое основание для классификации следственных действий и доказательств, а также формирования критериев оценки доказательств в зависимости от способа их появления в материалах уголовного дела.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понятие собирания и формирования доказательств

Собираение доказательств наукой уголовно-процессуального права традиционно рассматривается как способ познания обстоятельств совершенного преступления, как этап или, что точнее, элемент в структуре доказывания – «деятельности органов расследования, прокурора и суда с участием других субъектов процессуальной деятельности по *собиранию, закреплению, проверке и оценке (курсив наш. – В. Л.)* фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства» [10, с. 298]. Автор этих строк А.Р. Ратинов подчеркивал, что приведенной схемы процесса доказывания придерживаются все советские юристы, исследовавшие проблемы доказывания. Приняв на веру это утверждение, зафиксируем, что понятием «собираение доказательств» здесь охватывается поиск, обнаружение и получение информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, которая, чтобы ее можно было впоследствии использовать, должна быть закреплена «в зависимости от способа получения сведений о фактах... путем составления протоколов, а также вынесения постановлений (определений) о приобщении к делу вещественных доказательств» [10, с. 301]. Таким образом, изначально собирание доказательств и их закрепление рассматриваются как два отдельных, следовательно, различных этапа (или, что точнее, элемента) процесса доказывания. Соответственно, любые фактические данные, любая информация или любые сведения об обстоятельствах преступления рассматриваются как относимые доказательства, а фактические данные или сведения, по-

лученные и закреплённые предусмотренным законом способом, – как доказательства допустимые.

В то же время в теории уголовного процесса в соответствии со ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, которая, как известно, послужила основанием для двойственной трактовки понятия доказательства, формируется представление о доказательствах как о единстве фактического содержания и способа их внешнего выражения, именуемого источником, что, как представляется, и привело к поглощению понятием «собираение доказательств» действий по их закреплению – пока доказательство не закреплено, оно не является доказательством в уголовно-процессуальном смысле этого понятия, т. е. не считается собранным. Закрепление сведений об обстоятельствах преступления путем составления протокола или вынесения постановления о приобщении доказательства к материалам уголовного дела придает им определенный внешний вид или предусмотренную законом форму, что и послужило основой для возникновения и развития научной концепции формирования доказательств как синонима их собирания. Доказательство в уголовно-процессуальном смысле возникает (формируется) в ходе восприятия и отражения в материалах дела следов преступления следователем, на что одним из первых еще в 1967 г. обратил внимание Р.С. Белкин [11]. Эту идею активно воспринял и в течение всей своей творческой жизни последовательно развивал С.А. Шейфер, поэтому в современной теории концепция формирования доказательств в процессе их собирания органом предварительного расследования ассоциируется именно с его именем, хотя ее поддерживают многие авторы [12–15]. Суть концепции формирования доказательств заключается в тезисе, что готовых доказательств в природе не существует, что ставит на повестку вопрос о том, сохраняет ли следственное действие свое значение как способ собирания доказательств или его следует рассматривать как способ формирования доказательств. Естественным образом обостряется и проблема понимания самого доказательства – что именно следователь собирает, если доказательство возникает (формируется) лишь в результате его действий, а не в ходе совершения преступления, оставляющего следы в материальном мире и сознании совершающих и наблюдающих его лиц.

Следственное действие в системе способов собирания доказательств

Теория следственного действия – наиболее развитая часть уголовно-процессуальной науки, привлекающая к себе внимание исследователей в силу высокой не только теоретической, но практической значимости. Отсутствие официальной дефиниции следственного действия при том, что сам термин, по подсчетам С.Б. Россинского, в УПК РФ употребляется 198 раз [3], не только не способствует его единообразному восприятию, выработке обоснованных рекомендаций для практики, но и отражается на самом правовом регулировании. Рассматривая следственные действия как способ установления обстоятельств совершенного преступления, исследователи относят к их числу не все действия следователя, даже если в УПК РФ они называются следственными, а лишь те из них, которые имеют

познавательный характер. В таком, так называемом «узком смысле слова» [16, с. 20], к следственным действиям относятся только те из них, которые направлены на обнаружение, выявление и закрепление следов преступления и имеют своим результатом появление уголовно-процессуальных доказательств. К ним, безусловно, не относятся ни наложение ареста на имущество, упоминаемое в ст. 164 УПК РФ, посвященной общим правилам производства следственных действий, ни действия по реализации, утилизации и уничтожению вещественных доказательств, включенные в перечень следственных действий, проводимых на основании судебного решения (ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ) [17]. Очевидно, что в названных выше статьях уголовно-процессуального закона термин «следственные действия» используется, как принято говорить, в «широком смысле слова», т. е. обозначает действия, производимые следователем или, если точнее, в процессе расследования, поскольку они могут производиться и дознавателем.

Здесь следует вспомнить, что доказательства в уголовном деле появляются не только в результате следственных действий, но и иным, гораздо более простым путем. Так, уже УПК РСФСР 1960 г. в ст. 70 предусматривал возможность получения доказательств путем требования от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан: а) представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные; б) восстановления бухгалтерского учета за счет собственных средств; в) производства ревизий и документальных проверок, а также путем г) принятия предметов и документов, инициативно представляемых не только потерпевшими, обвиняемыми и другими участниками уголовного процесса, но и любыми гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями. Имеется такая возможность получения доказательств от участников уголовного процесса и сегодня (ч. 2 и 3 ст. 85 УПК РФ). Поскольку эти достаточно простые в применении процессуальные действия направлены на получение сведений, могущих иметь значение доказательств, отрицать их познавательный характер невозможно. Следовательно, познавательная природа (познавательная направленность или даже познавательная цель) процессуального действия не может рассматриваться как единственный или абсолютный отличительный признак следственного действия в том узком смысле этого понятия, в котором он обычно используется. Между понятиями «собирание доказательств» и «следственное действие», таким образом, есть прямая связь или взаимозависимость, но нет, что важно, знака равенства. Иными словами, всякое следственное – в указанном смысле – действие является способом собирания доказательств, но не все способы собирания доказательств могут считаться следственными действиями. Это обстоятельство нами будет использоваться в дальнейших рассуждениях, хотя в научных исследованиях можно встретить и иное мнение [18; 19].

Так, в работах С.А. Шейфера именно собирание доказательств, а не следственное действие зачастую определяется как «система действий, обеспечивающих восприятие субъектом доказывания объективно существующих следов изучаемого события, сопровождающихся формированием в сознании познавательного образа, а также действий, обеспечивающих сохранение этого

образа путем процессуальной фиксации результатов восприятия» [1, с. 24; 2, с. 9]. Признавая общую справедливость суждения, имеющего в своем основании ленинскую, как в то время называлось, теорию отражения как основу познания окружающего мира, обратим внимание на допущенную в этом высказывании подмену понятий, фактически отождествляющую собирание доказательств со следственными действиями. Результатом такого отождествления может быть вывод о том, что формирование доказательств в описанном выше значении происходит не только в ходе следственных действий, но и при получении доказательств таким путем, при котором, однако, никакого преобразования или переработки информации не происходит. Мысленный образ какого-либо явления на основе информации, содержащейся в представленных следователю предметах и документах, в сознании следователя, возможно, и возникает; возможно, он даже отражается в составляемом следователем, как рекомендовал С.А. Шейфер, «протоколе представления доказательства»¹, однако сам принятый следователем предмет или документ никакому преобразованию в процессе его восприятия не подвергается – он приобщается к материалам уголовного дела и изучается в следующих стадиях уголовного процесса в том виде, в котором он был представлен и принят. Не случайно тот же автор к описываемому способу собирания доказательств применил глагол «получение» [1, с. 73], несущий иную, менее активную смысловую нагрузку. Термин «собирание доказательств», как видим, хотя бы поэтому не идентичен термину «формирование доказательств», следовательно, он не может быть им заменен, как иногда предлагается [20]. Концепция формирования доказательств, таким образом, не является универсальной в том смысле, что она применима (если согласиться, что применима) не ко всем способам собирания доказательств, особенно учитывая увеличение их числа в связи с продолжающимся развитием порядка проверки оснований к возбуждению уголовного дела, рассмотрение которых не охватывается целью настоящего исследования и потому в дальнейших рассуждениях не учитывается. Но может ли эта концепция быть применена ко всем действиям, признаваемым следственными? Попробуем разобраться.

Следственное действие как способ формирования доказательств

Ответ на поставленный выше вопрос лишь отчасти зависит от того, как мы понимаем следственное действие, т. е. какие именно действия следователя и по какому критерию мы включаем в систему следственных действий, поскольку, как было показано выше, к этой проблеме есть различные подходы как у законодателя, так и в науке. Гораздо более важным представляется выяснить, все ли традиционно признаваемые следственными действия отвечают предложенному авторами и сторонниками концепции формирования доказательств сущностному критерию – преобразованию

¹ Шейфер С.А. *Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе*. М.: Всесоюзный юридический заочный институт, 1972. 130 с. С. 87. EDN: [JUPKKW](#).

сохраненной в следах преступления информации в результате ее вторичного отражения в сознании следователя, а затем – еще раз – в материалах уголовного дела. На наш взгляд, далеко не все.

Начнем с наиболее простого – с тех следственных действий, в результате которых в уголовном деле появляются вещественные доказательства. Это так называемые невербальные [21] следственные действия – осмотр места происшествия, местности, жилища и иного помещения (ст. 176 УПК РФ), осмотр трупа (ст. 178), обыск (ст. 182), личный обыск (ст. 184), выемка (ст. 183). В определенной степени к ним примыкает сочетающая признаки допроса и осмотра проверка показаний на месте, в ходе которой могут быть обнаружены материальные следы, соотносимые с проверяемыми показаниями (ст. 194 УПК РФ). Обнаруживаемые в ходе перечисленных следственных действий материальные объекты никакому преобразованию не подвергаются. Предмет или документ, имеющий указанные в ст. 81 УПК РФ признаки вещественного доказательства, представляет собой готовый информационный продукт, возникший (сформированный) в процессе совершения преступления (так называемое первичное отражение преступления в материальном мире).

Такие доказательства С.Б. Россинский назвал паратусными [22], т. е. готовыми. По отношению к ним нельзя говорить, что они сформировались в ходе следственного действия или после его окончания. Указание в ч. 2 ст. 81 УПК РФ на то, что, осмотрев предмет, следователь выносит постановление о признании его вещественным доказательством, означает лишь обязанность отразить в протоколе признаки, указанные в ч. 1 этой же статьи, подтверждающие его связь с преступлением, и обеспечить их сохранность. Фактически речь идет об определении статуса предмета, приобщенного к уголовному делу [23]. В то же время в ходе перечисленных следственных действий имеет место и формирование доказательств – протоколов соответствующих действий, которые в полном соответствии с концепцией формирования доказательств отражают не саму обстановку места, помещения, внешние признаки трупа, характеристики вещественного доказательства, а содержат описание действий следователя и сложившегося в его сознании в ходе этих действий познавательного образа обнаруженных и осмотренных им объектов, обстановки, в которой они пребывали до обнаружения, а также обстоятельств, при которых они были обнаружены.

Точно так же следователь формирует, а фактически «создает доказательства» (этот термин использовал и С.А. Шейфер [2, с. 28]) в ходе осмотра и выемки арестованных почтово-телеграфных отправок – составляя протоколы названных следственных действий, следователь фиксирует в них информацию, отражающую результат его познавательной деятельности, обеспечивая тем самым сохранность этих отправок и возможность их последующего использования в качестве доказательств. При этом сами почтовые и телеграфные отправления представляют собой готовые, т. е. уже сформированные без участия следователя, доказательства. Постановление о приобщении предмета или документа к материалам уголовного дела, как часть этого процесса, в этом случае имеет не познавательный, а не менее важный организационно-распорядительный

и правообеспечительный характер. К содержанию вещественного доказательства или документа постановление никакого отношения не имеет, соответственно, доказательством тоже не является, хотя как документ, подтверждающий совершение следователем предусмотренных законом действий, при определенных обстоятельствах может иметь значение доказательства.

Таким образом, можно утверждать, что не всякое следственное действие, являющееся способом собирания доказательств, можно рассматривать как способ формирования доказательств, и не всякое доказательство можно рассматривать как результат формирования при совершении следственных действий. Какие-то доказательства в ходе следственного действия обнаруживаются и приобщаются к уголовному делу (материальные объекты), а какие-то действительно создаются или формируются следователем (протоколы следственных действий). И в том, и в другом случае мы говорим о собирании доказательств, хотя в одном случае мы понимаем под доказательствами письменные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, информацию об оставших следах событий, в другом – материальные носители этой информации как источники сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Есть контакт? Есть проблемы

Познавательная сущность следственных действий, как следует из вышесказанного, это важный критерий выделения их из других совершаемых следователем процессуальных действий, но не единственный. Для того чтобы признать действие следственным, необходимо, чтобы доказательственную информацию из следов, оставленных событием, следователь извлекал на основе непосредственного контакта с ними, поскольку именно это обеспечивает то самое преобразование (перекодирование) содержащейся в следах преступления информации, которое придает следственному действию характер формирования доказательств. «Иная трактовка следственного действия как способа собирания доказательств, без указания, кто и каким образом превращает информацию, заключенную в следах, в доказательство в уголовно-процессуальном смысле, размывает это понятие и позволяет считать следственным действием любой канал поступления в уголовный процесс доказательственной информации» [24, с. 118]. Согласие с таким подходом позволяет исключить из системы следственных действий познавательного характера процедуры, не сопровождающиеся преобразованием информации сознанием следователя.

Одна из таких процедур предусмотрена ст. 186.1 УПК РФ (получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами), другая – ст. 186 (контроль и запись телефонных и иных переговоров). В обоих случаях для получения информации, имеющей значение для дела, следователь никаких поисковых операций не производит, он получает информационный продукт в готовом, т. е. сформированном виде. В первом случае это материальный носитель, содержащий запись разговоров, во втором – простой (иной) документ. Обе процедуры не имеют признаков формирования доказательств – эти доказательства, если мы имеем в виду их информационную сторону, формируются до, в процессе или даже после совершения преступления

без непосредственного контакта следователя с источниками информации. Никакого преобразования информации в процессе ее восприятия следователем в обоих случаях не происходит – следователь с ней знакомится, исследует ее, проверяет, оценивает, но формирует (изготавливает, создает) лишь протокол «осмотра и прослушивания фонограммы», как сказано в ч. 7 ст. 286 УПК РФ, или протокол осмотра документов (ч. 5 ст. 286.1 УПК РФ), хотя к такому правовому регулированию тоже есть вопросы. В частности, можно ли осмотреть фонограмму, которая представляет собой набор звуковых сигналов; зачем осматривать документы, содержащие письменную информацию о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; какой смысл переписывать в протокол осмотра ту часть информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к делу, учитывая, что она приобщается к материалам дела в полном объеме; по какому признаку содержащий эту информацию документ закон предлагает считать вещественным доказательством? Как знать, возможно, такое нелогичное, неоправданное, можно сказать, нелепое правовое регулирование является следствием в том числе абсолютизированной концепции формирования доказательств, результатом стремления «натянуть» искусственную процессуальную форму на уже сформированный, т. е. готовый информационный продукт.

С позиций концепции формирования доказательств серьезные сомнения вызывает отнесение к следственным действиям и процедуры назначения и/или производства судебной экспертизы, которая состоит из различных по своей природе действий – организационных, правообеспечительных и познавательных, следователем. Роль следователя в этой процедуре очень важна – следователь определяет вид экспертизы и выбор эксперта, обозначает объект исследования, формулирует подлежащие разрешению вопросы, обеспечивает соблюдение соответствующих прав обвиняемого и потерпевшего и т. д., но все это не имеет никакого отношения к познавательной деятельности, следователь не проводит исследований, не выявляет, не изучает и не толкует доказательственную информацию, не формулирует выводы. Заключение эксперта для следователя в этом смысле тоже представляет собой готовый информационный продукт; выявляет, исследует и преобразует выявленную информацию в доказательство, т. е., используя свойственную концепции формирования доказательств терминологию, формирует заключение эксперта сам эксперт, но никак не следователь. Теоретическая конструкция назначения экспертизы как следственного действия, рассматриваемого с позиций концепции формирования следователем доказательств, выглядит искусственной.

С рассматриваемых позиций трудно согласиться с отнесением к следственным действиям и задержания подозреваемого, хотя протокол задержания при определенных обстоятельствах может рассматриваться как имеющий значение доказательства документ, подтверждающий, например, наличие на одежде, теле подозреваемого следов преступления, а также получения (а в некоторых случаях именно формирования) образцов для сравнительного исследования, которые при всей своей важности не являются следами преступления. Трудно признать полноценным следственным действием освидетельствование, сопряженное с обнажени-

ем лица иного, чем следователь, пола – непосредственного контакта следователя с носителем информации здесь не происходит, а протокол освидетельствования, составляемый следователем с чужих слов, больше похож на протокол допроса. Не имеют еще четкого ответа вопросы о доказательственном значении информации, полученной в ходе оперативно-розыскной деятельности [25] и так называемой доследственной проверки. Есть и другие проблемы собирания доказательств при производстве по уголовному делу, не имеющие однозначного теоретического решения и затрудняющие их законодательное урегулирование, поэтому тема собирания доказательств в уголовном процессе далеко не исчерпана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование процедур, которые в той или иной степени имеют отношение к появлению в уголовном деле доказательств, позволяет констатировать наличие взаимосвязи между доказательствами и способами их собирания. Сложность самого понятия доказательства, как а) сведений об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела, и б) обеспечивающей сохранность этих сведений внешней формы, объективно обуславливает различие способов собирания сведений о доказываемых обстоятельствах. В тех случаях, когда эти сведения имеют собственную форму, деятельность органа предварительного расследования представляет собой собирание (готовых) доказательств – предметов и документов, но при собирании сведений, не имеющих собственной формы, правомерно говорить о формировании доказательств (протоколов следственных действий, включая протоколы допроса и его разновидности – очной ставки).

Формирование доказательств возможно только путем производства следственных действий, тогда как собирание доказательств, сформированных естественным путем, может производиться и иными процессуальными действиями. К иным процессуальным, но не следственным действиям с рассматриваемых позиций следует, в частности, относить назначение экспертизы, истребование информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, истребование и/или принятие (получение) результатов записи контролируемых телефонных и иных переговоров.

Учитывая, что ход и результаты следственных действий всегда фиксируются в соответствующих протоколах, каждый из них всегда является способом собирания одних доказательств и формирования других. Поэтому рассмотренный в настоящей статье классификационный критерий относится не столько к следственным действиям, сколько к самим доказательствам. Часть доказательств представляет собой результат объективного отражения событий, связанных с преступлением, другая несет в себе информацию, преобразованную сознанием следователя.

Характеристика следственного действия как способа собирания или способа формирования доказательств позволяет различать доказательства по степени объективности их информационного содержания, а следовательно, оценивать их с учетом присутствия/отсутствия фактора влияния на их содержание психической деятельности следователя, дознавателя. Значимость этого

фактора обусловлена не только определенной законом обвинительной функцией следователя, дознавателя, но и самим наличием его как обстоятельства, ограничивающего непосредственность исследования судом доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Шейфер С.А. Собираение доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский университет, 1986. 170 с.
- Шейфер С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с. EDN: [NGGUDB](#).
- Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.
- Рыжаков А.П. Следственные действия и иные способы собирания доказательств. М.: Филинь, 1997. 334 с.
- Семенцов В.А. Проверка правдивости показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 111–116. EDN: [NLQORB](#).
- Семенцов В.А. Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 132–137. EDN: [MUQDHB](#).
- Комиссарова Я.В. Обоснованность методик экспертиз с применением полиграфа // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 74–83. EDN: [QJEWPD](#).
- Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М.: Юрлитинформ, 2003. 264 с.
- Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 448 с.
- Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1973. 736 с.
- Белкин Р.С. Перспективы развития советской криминалистики // Труды Высшей школы МООП СССР. Вып. 15. М.: НИиРИО ВШ МООП СССР, 1967. С. 3–11.
- Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев: Вища школа, 1984. 133 с.
- Зайцев О.А. Теоретические взгляды профессора С.А. Шейфера на концептуальные проблемы теории доказательств // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-1. С. 29–35. EDN: [SYMABT](#).
- Доля Е.А. Происхождение доказательств в уголовном судопроизводстве // Законность. 2016. № 10. С. 65–70. EDN: [XAAGDH](#).
- Абдуллаев Я.Д., Миллер В.Ю. Две концепции формирования доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 75–79. DOI: [10.36511/2078-5356-2021-1-75-79](#).
- Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: общие положения теории и практики. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. 300 с.
- Осодоева Н.В. К вопросу о возможности отнесения некоторых процессуальных действий к следственным в уголовном судопроизводстве // Академиче-ский юридический журнал. 2022. Т. 23. № 1. С. 87–94. DOI: [10.17150/1819-0928.2022.23\(1\).87-94](#).
- Баранов А.М. Следственные действия или способы собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 17–21. EDN: [VOYAJK](#).
- Давыдовская М.В. Следственные действия и иные способы собирания доказательств: существенны ли различия? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 19–24. EDN: [KGXWEG](#).
- Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5. Самара: Самарский университет, 2010. С. 236–242. EDN: [YLYUCX](#).
- Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.
- Россинский С.Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 37–45. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45](#).
- Россинский С.Б. Собираение доказательств vs исследование доказательств в контексте Шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 3. С. 47–54. DOI: [10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54](#).
- Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 107. № 10. С. 115–127. EDN: [VASXVV](#).
- Тихонов С.Е. Вопросы допустимости доказательств, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий, направленных на подмену следственных действий // Криминалистика. 2024. № 1. С. 89–94. EDN: [HSJMWA](#).

REFERENCES

- Sheyfer S.A. *Sobiranie dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Collection of evidence in Soviet criminal procedure]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1986. 170 p.
- Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya: sistema i protsesualnaya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow, YurLitinform Publ., 2001. 208 p. EDN: [NGGUDB](#).
- Rossinskiy S.B. *Sledstvennye deystviya* [Investigative actions]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
- Ryzhakov A.P. *Sledstvennye deystviya i inye sposoby sobiraniya dokazatelstv* [Investigative actions and other methods of collecting evidence]. Moscow, Filin Publ., 1997. 334 p.
- Sementsov V.A. Polygraph examination. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2011, no. 2, pp. 111–116. EDN: [NLQORB](#).
- Sementsov V.A. New investigative action – verification of polygraph readings. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2010, no. 5, pp. 132–137. EDN: [MUQDHB](#).
- Komissarova Ya.V. Substantiation of a technique using polygraph examinations. *Ugolovnyy protsess*, 2013, no. 7, pp. 74–83. EDN: [QJEWPD](#).

8. Solovov A.B. *Dokazyvanie po Ugolovno-protsesualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (dosudebnye stadii)* [Proof by the Rules of Criminal Procedure of the Russian Federation (pre-trial stages)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2003. 264 p.
9. Maslennikova L.N., ed. *Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatelnom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proof and decision making in adversary criminal proceedings]. 2nd ed., pererab. i dop. Moscow, Norma Publ., 2021. 448 p.
10. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of evidence in Soviet criminal procedure]. 2nd ed. ispr. i dop. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 736 p.
11. Belkin R.S. Prospects for the development of Soviet criminalistics. *Trudy Vysshey shkoly MOOP SSSR*. Moscow, NIiRIO VSh MOOP SSSR Publ., 1967. Vyp. 15, pp. 3–11.
12. Mikheenko M.M. *Dokazyvanie v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Proof in Soviet criminal proceedings]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1984. 133 p.
13. Zaytsev O.A. Theoretical views of professor S.A. Sheifer on conceptual problems in the theory of proof. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 11-1, pp. 29–35. EDN: [SYMABT](#).
14. Dolya E.A. The origin of evidence in criminal proceedings. *Zakonnost*, 2016, no. 10, pp. 65–70. EDN: [XAAGDH](#).
15. Abdullaev Ya.D., Miller V.Yu. Two approaches of evidence formation in criminal procedure. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2021, no. 1, pp. 75–79. DOI: [10.36511/2078-5356-2021-1-75-79](#).
16. Sementsov V.A. *Sledstvennye deystviya v dosudebnom proizvodstve: obshchie polozheniya teorii i praktiki* [Investigative actions in pre-trial proceedings: general provisions of theory and practice]. Ekaterinburg, Uralskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya Publ., 2006. 300 p.
17. Osodoeva N.V. On the issue of the possibility classifying certain procedural actions as investigative in criminal proceeding. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 87–94. DOI: [10.17150/1819-0928.2022.23\(1\).87-94](#).
18. Baranov A.M. Investigative actions or methods of collecting evidence. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2023, no. 7, pp. 17–21. EDN: [VOYAJK](#).
19. Davydovskaya M.V. Investigative actions and other ways of collecting evidence: are there significant differences? *Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2022, no. 4, pp. 19–24. EDN: [KGXWEG](#).
20. Sementsov V.A. Formation of evidence in the structure of criminal procedural evidence. *Aktualnye problemy sovremennogo ugolovnogo protsesssa Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2010. Vyp. 5, pp. 236–242. EDN: [YLYUCX](#).
21. Rossinskiy S.B. *Rezultaty “neverbalnykh” sledstvennykh i sudebnykh deystviy kak vid dokazatelstv po ugolovnomu delu* [Results of “non-verbal” investigative and judicial actions as a type of evidence in a criminal case]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 224 p.
22. Rossinskiy S.B. Means of proving in criminal proceedings. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 37–45. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45](#).
23. Rossinskiy S.B. Collection of evidence vs examination of evidence in the context of the Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher’s birthday). *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 47–54. DOI: [10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54](#).
24. Sheyfer S.A. Investigative action – the legitimacy of new interpretation? *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2015, vol. 107, no. 10, pp. 115–127. EDN: [VASXVV](#).
25. Tikhonov S.E. Issues of the admissibility of evidence obtained as a result of operational investigative measures aimed at replacing investigative actions. *Kriminalist*, 2024, no. 1, pp. 89–94. EDN: [HSJMWA](#).

Investigative actions as methods of collection and formation of evidence

Valentina A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), Professor

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: lazareva.va@ssau.ru,
v.a.lazareva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Received 10.02.2025

Revised 14.02.2025

Accepted 20.02.2025

Abstract: The paper considers concepts of investigative action competing in the theory of criminal procedure – the concept of investigative action as a method of collecting evidence and the concept of investigative action as a method of forming evidence. By studying the mechanism of interaction of the preliminary investigation body with traces of a crime, the author substantiates the nonidentity of the concepts of “collection of evidence” and “formation of evidence” in order to determine the place of each of them in the system of criminal proceedings. The study shows that the discussion about the nature of investigative action is generated by a complex, multi-component and ambiguous concept of evidence, which has informational (cognitive) content and an external form that preserves this content, both independent of the actions of the investigator, inquiry officer and created (formed) by him during investigative actions. According to the author, the two scientific concepts of the epistemological nature of investigative action considered in the paper are based on the difference between ready (paratus, according to S.B. Rossinsky) evidence and evidence that

receives a procedural form in the process of investigative action. Taking into account the nonidentity of the concepts of “collection of evidence” and “formation of evidence” noted in the paper, the author rejects the proposal made in science to replace the first term with the second. Each of them has its own content, and none of them is a universal characteristic of an investigative action, the structure of each of which contains both rules regulating the process of collecting evidence and rules concerning the formation of evidence. Formulating a proposal to classify evidence into collected (received) and formed, based on the degree of influence of the cognitive activity of the investigator, inquiry officer on their content, the author substantiates the conclusion about the impossibility of classifying investigative actions themselves into methods of collecting evidence and methods of their formation.

Keywords: investigative actions; legal proceedings; evidence; evidence form and content; methods of collection of evidence; formation of evidence; information product.

For citation: Lazareva V.A. Investigative actions as methods of collection and formation of evidence. *Jus strictum*, 2025, no. 1, pp. 23–30. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-3.